

Венгерская революция 1848–1849 гг. означала серьезный вызов европейскому миропорядку, установленному на Венском конгрессе в 1815 г. по итогам наполеоновских войн. На неблагоприятном исходе революции сказалась незаинтересованность больших европейских держав, в том числе России, в разрушении монархии Габсбургов, воспринимавшейся как гарант европейского равновесия в силу своего срединного положения на континенте.

В центре внимания беседы двух историков Александра Стыкалина и Илдико Рощонци находится Венгерская кампания русской армии весны — лета 1849 г., одна из самых масштабных в отечественной военной истории XIX в. по количеству задействованных в ней войск. Насколько реальной была перспектива распада Габсбургской монархии, а значит, и коренного изменения всей конфигурации сил в Центральной Европе в случае победы венгерской революции? Что двигало российским императором Николаем I, когда после довольно длительных колебаний он прибегнул к военной силе в помощь Вене, отправив в пределы империи Габсбургов 200-тысячное войско под командованием наиболее выдающегося русского полководца того времени фельдмаршала И. Ф. Паскевича? Был ли шанс урегулирования межнациональных распрей в Венгрии, ослаблявших революцию, в интересах ее спасения? Как расценивают сегодня венгерские историки решение командующего венгерского революционного войска генерала Артура Гёргея сложить оружие перед численно многократно ее превосходившей русской армией? Стояли ли за этим расчеты на посредническую роль России в разрешении конфликта между домом Габсбургов и венгерским национальным движением? Принесла ли славу русскому оружию венгерская кампания и можно ли считать вмешательство во внутренние дела соседней державы отвечающим долгосрочным интересам России во внешнеполитическом

и геостратегическом плане? С какими устоявшимися стереотипами приходится сталкиваться исследователям венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., что сделано историками в последние десятилетия, какие темы и проблемы считаются приоритетными в сегодняшней исторической науке? Каково было историческое значение (национальное и всеевропейское) венгерской революции 1848–1849 гг., какие перспективы дальнейшего развития Венгрии оказались нереализованными вследствие ее поражения? Не привела бы победа венгерской революции к коренному переформатированию средневропейского пространства и геополитическому сдвигу, не менее, а то и еще более радикальному, чем тот, что произошел через 15–20 лет с объединением Италии, созданием дуалистической Австро-Венгрии и провозглашением Германской империи? Какое место занимают события 1848–1849 гг. в современной венгерской исторической памяти?

Илдико Рошонци — ведущий специалист по Венгерской кампании русской армии 1849 г., автор исследований, в том числе изданных на русском языке, о военных, политических и культурных аспектах участия Российской империи в подавлении национально-освободительной борьбы венгров в 1848–1849 гг. Ее труды отличаются доскональным знанием венгерских и российских архивов, корпуса опубликованных источников и историографий двух стран. Александр Стыкалин в беседе о задачах, стоящих перед историками в XXI в., ищет ответы на эти и многие другие вопросы¹.

Авторский коллектив благодарит П. В. Мошечкова за переводы с французского языка публикуемых источников, В. Б. Каширина за рекомендации при подготовке исторических карт и Т. В. Медведеву за помощь в археографическом оформлении «Документального приложения».

Тексты «Документального приложения» печатаются в соответствии с нормами современной орфографии.

Топонимика на исторических картах дана в написании, принятом в русских документах периода Венгерской кампании 1849 г., и поясняется в «Списке исторических географических названий».

¹ Текст беседы, которая легла в основу данной публикации, размещен в электронном виде на сайте журнала «Историческая экспертиза», см.: URL: https://istorex.ru/New_page_176 (дата обращения 18.10.2021).

Венгерская кампания русской армии 1849 года. Диалог о проблемах и исследованиях

А. С. Госпожа Рошонци, историкам известно, что почти 200-тысячная армия под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича вошла на территорию Австрийской империи для подавления венгерской революции только в конце весны, а в венгерские земли в начале лета 1849 г.¹ Вошла по просьбе юного императора Франца Иосифа I, хорошо понимавшего, что любое промедление в той ситуации чревато утратой домом Габсбургов власти в их большой полиэтничной империи: с конца апреля обозначилась реальная угроза нападения венгерской революционной армии на Вену. Однако уже в конце января — начале февраля 1849 г. два отряда из корпуса генерала А. Н. Лидерса, дислоцированного в Валахском княжестве, были перемещены ненадолго в Трансильванию (то есть тоже в пределы Австрийской империи) для защиты городов Херманштадт и Кронштадт, заселенных преимущественно немецкоязычным населением (саксами), лояльными империи, на случай нападения на них венгерских отрядов. Причем на удовлетворение просьбы, поступившей с австрийской стороны, император Николай I пошел после долгих колебаний. В депеше военного министерства, адресованной Лидерсу, читаем:

¹ Для сравнения: во время восстания 1831 г. в Польше находился 115-тысячный корпус генерал-фельдмаршала И. И. Дибича; во время восстания 1863 г. по состоянию на апрель численность русской армии, выставленной против польских повстанцев, была 270 тыс., а в июле возросла до 340 тыс. солдат. См.: *Kieniewicz S. Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 2002. S. 104, 250.* При этом следует учитывать, что цифры относятся к армии, действовавшей на территории Российской империи, в то время как в 1849 г. русская армия вступила на территорию другого государства.

Государь император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, тем более что они клонятся, по-видимому, к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству других правительств во вступление во внутренние дела соседних государств. Но его величество, по свойственному Ему человеколюбию, не может не обратить милосердного внимания на явную опасность, которой подвергаются верные своему законному Государю жители Германштадта и Кронштадта в столь близком расстоянии от расположения войск наших. Следуя сим только высоким побуждениям, его величество находит возможным двинуть часть войск наших на защиту этих городов от гибели и разорения, но иначе как в самой крайности и только по настоятельной просьбе Австрийского военного начальства².

Из этой цитаты может создаться впечатление, что невмешательство во внутренние дела соседней державы носило для Николая I до некоторой степени концептуальный характер, он не хотел излишних международных осложнений и отступить от своих принципов мог только в самом крайнем случае — если осознавал всю серьезность угрозы распада Габсбургской монархии и последующего хаоса вблизи границ собственной державы.

Мой вопрос: насколько длительная дипломатическая подготовка и какие уговоры с австрийской стороны предшествовали участию русской армии в подавлении венгерской революции? И какое внимание в Петербурге уделили тому, чтобы прозондировать возможную реакцию других держав на вхождение российской армии в пределы Австрийской империи? Известно ведь, что с началом победоносного весеннего похода венгерской революционной армии активизировались дипломатические контакты Санкт-Петербурга не только с Веной, но и с другими европейскими столицами, в ходе которых обсуждалось положение в Венгрии. А 21 мая Франц Иосиф приехал в Варшаву на встречу с императором Николаем, чтобы обговорить с ним подробности действий русских войск. Это

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 208–209.

было в тот самый день, когда революционная венгерская армия взяла после длительной осады под полный контроль Пешт и Буду...

И. Р. 15 марта 1848 г., то есть день, когда в Пеште состоялась мирная, ненасильственная революция — это именно та дата, с которой связано для венгров богатое историческое наследие 1848–1849 гг., во многом сформировавшее их национальную идентичность.

А теперь давайте начнем разговор с указанной Вами даты. 21 мая³ — символическая дата в истории борьбы венгров за национальное освобождение. В этот день была одержана значительная военная победа, но на этой дате лежит также печать будущего военного поражения, ставшего в конце концов неизбежным. Да, действительно, 21 мая 1849 г., после 17-дневной осады Будапештской крепости, над ней был водружен венгерский триколор. Столица страны вновь оказалась в руках венгерских национальных сил. Спустя почти пять месяцев после того, как в начале января в ситуации, казавшейся довольно безнадежной для будущего Венгрии, правительство было вынуждено, оставив Пешт-Буду, переехать в Дебрецен, оно возвращалось теперь на свое прежнее место. И в тот же самый день 21 мая 1849 г. российский император Николай I и австрийский император Франц Иосиф I в ходе переговоров в Варшаве договорились о конкретных деталях военной помощи, которую Российская империя должна была оказать соседней Австрийской империи.

Здесь можно вспомнить и гораздо более позднее событие, также пришедшееся на 21 мая. В 1916 г. в этот день, на рассвете, после продолжительной болезни, ушел из жизни 98-летний Артур Гёргей, в прошлом главнокомандующий венгерской армией в национально-освободительной войне. Это был боевой генерал, с именем которого связано не только взятие в мае 1849 г. Будапештской крепости, но и многие другие решающие, оставшиеся в национальной памяти успехи венгерских революционных войск. Генерал, чье полководческое мастерство удостоилось похвал и его русских противников. В то время как политическим лидером венгерской революции был Лайош Кошут, ее военным лидером мы можем сегодня по праву

³ Далее в тексте даты приведены по григорианскому календарю, который используется сегодня. В цитатах из источников того времени, где стоят даты по юлианскому календарю, даты по григорианскому календарю приводятся в скобках. Это делали и российские участники тех событий, ведь важным условием общения было избежать недопонимания.

считать Артура Гёргея — и это после более чем 170 лет жарких дебатов в связи с оценкой его деятельности.

Вышеупомянутую встречу правителей 21 мая 1849 г. можно рассматривать как кульминацию переговоров о военных действиях, которым предшествовали почти два месяца зондирования почвы, а затем и выработки все более и более конкретных договоренностей. Эти переговоры продолжались и после 21 мая, так что об обязательствах Австрии по отношению к российским войскам, пересекающим границу Австрийской империи, удалось договориться только к 10 июня 1849 г., подписав соглашение. Как бы то ни было, начиная с первых дней мая 1849 г. на территорию Австрийской империи, в Галицию, вводились всё новые контингенты русских войск.

Предоставленная Россией военная помощь оказалась намного большей, чем ожидало австрийское правительство. Первоначально австрийцы были бы рады видеть только задействование довольно ограниченной по численности группировки российских войск, причем желательно на второстепенных театрах военных действий. Однако уже в самом начале переговоров Николай I обусловил предоставление помощи соблюдением двух условий, о которых мы узнаем из депеши канцлера К. В. Нессельроде русскому посланнику в Вене П. И. Медуе от 6 апреля 1849 г.:

1. Что корпуса, призванные переступить границу, будут достаточно многочисленны для того, чтобы самостоятельно выполнить поставленную перед ними задачу.
2. Что эти корпуса не будут присоединены к австрийским войскам <...>⁴.

В пояснительной записке Нессельроде вспоминал о судьбе небольших по численности отрядов под началом генерала А. Н. Лидерса, командира 5-го пехотного корпуса русской армии, дислоцированного в то время в Валашском княжестве. Они были введены

⁴ Нессельроде — Медуе, Санкт-Петербург, 25 марта (6 апреля) 1849 г. Оригинал послания на французском языке см.: *Andics E. A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete.* Budapest, 1961. 339–340. old. На русском языке см.: Проект депеши гр. Медуе (правильно: Медуе. — *И. П.*) в Ольмюц 25 марта (6 апреля) 1849 г. см.: *Авербух Р.* Николай и европейская реакция 1848–1849 гг. // Красный архив. М., 1931. № 47/48. С. 33–34.

в Трансильванию зимой 1849 г. по призыву командующего австрийскими имперскими войсками в этом крае генерала Антона Пухнера — Вы уже упомянули об этом. Русские войска численностью 7–8 тыс. человек вошли в города Херманштадт и Кронштадт, не ощущая при этом никакой австрийской поддержки, и были изгнаны венгерскими войсками — ими командовал в Трансильвании генерал Юзеф Бем. Нессельроде писал:

Несчастные события в Трансильвании доказали его величеству, насколько частичная помощь компрометировала бы, с одной стороны, его войска, а с другой стороны, оказалась бы недостаточной для того дела, которое Австрия защищает с такой энергией⁵.

Совершенно понятно и не нуждается в объяснении, что Николай I продолжал и дальше настаивать на этих условиях. С этим соглашался и генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, доверенное лицо императора в вопросах военной политики и европейских делах — в силу своего статуса наместника Царства Польского и главнокомандующего 1-й (Действующей) армии он принимал активное участие в подготовке военной интервенции.

В течение апреля 1849 г., во время своего победоносного так называемого весеннего похода, венгерская армия вытеснила австрийские войска из междуречья Дуная и Тисы, а затем, в соответствии с хитроумным военным планом генерала Дёрдя Клапки, обошла Пешт-Буду и сняла 26 апреля осаду замка Комаром. Австрийский главнокомандующий, фельдцейхмейстер барон Людвиг фон Вельден, оставив в Будайской крепости гарнизон, был вынужден из опасений, что окажется в окружении, покинуть со своим войском венгерскую столицу, и начал поспешно отступать к западной границе страны. Но перед этим, 20 апреля, в письме премьер-министру князю Феликсу Шварценбергу он написал, что видит только один выход из осложнившейся ситуации: «Теперь спасение Монархии зависит только от скорейшего вторжения русских из Кракова в Венгрию, я не вижу внутренней силы, которая могла бы спасти нас»⁶. Так на заседании Совета министров

⁵ Там же.

⁶ Вельден — Шварценбергу, Эстергом, 20 апреля 1849 г.; цит. по: *Andics E. A Habsburgok és Romanovok szövetsége. 358–359. old.*

Австрии 21 апреля и родилось решение об обращении к России с официальной просьбой о военной помощи, эта просьба была сформулирована и в собственноручном письме Франца Иосифа Николаю I от 1 мая.

Следует заметить, что тогда, в апреле, российский двор пока еще не предполагал выступить со столь масштабной военной силой, как это произошло позже в ходе венгерской кампании. Согласно первоначальным русским планам, генерал Ф. В. Ридигер должен был вторгнуться в Венгрию из Галиции во главе усиленного 3-го пехотного корпуса. Только в письме от 5 мая, когда до царя Николая дошли известия о прямой угрозе Вене, он доверил руководство операцией самому фельдмаршалу Паскевичу и писал ему:

Может о сю пору Вена уже в руках мятежников. <...> Надо, чтоб ты сам вел свои армии на новую славу, на великодушную помощь <...> Конечно, не мне тебе начертать план, об одном прошу, не увлекайся просьбами австрийцев, дай себе срок собрать все условия успеха и тогда с Богом, действуй как на наших врагов быстро, по-русски. Не щади каналов. Ежели Вена и потеряна, дело ты исправишь, уничтожив гнездо бунта⁷.

И решение царя поставить во главе кампании наиболее авторитетного русского военачальника само по себе также означало, что против Венгрии будут брошены силы, самой своей численностью достойные того, чтобы ими командовал этот полководец. Основываясь на известных данных, мы также можем сказать, что до 1849 г. (и даже в эпоху еще более значимых для России наполеоновских войн) русская армия никогда не выставляла столько сил в европейской кампании, сколько она развернула против Венгрии. А Паскевич никогда прежде не возглавлял армию такой численности.

Российский двор, конечно, должен был взвесить: какой может быть реакция западноевропейских держав на эту акцию? В тех условиях, по сути, имелась в виду только Англия, поскольку французское правительство, рожденное революцией, было признано русским императорским двором только весной 1849 г. и этим

⁷ Николай I – Паскевичу, С-Петербург, 23 апреля (5 мая) 1849 г. См.: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. 1848–1849. СПб., 1899. Т. 6. С. 288–289.